

Crime counteraction and the purpose of criminal court proceedings: criteria of developing the optimal criminal procedure strategy for juveniles

Abstract: The authors focus on one of the aspects of goal-setting in contemporary criminal court proceedings. The paper shows the connection between the priorities of criminal policy and the purpose of criminal court proceedings. Based on the general goal of Russian criminal process and some statistical crime data, the authors conclude that it is necessary to expand the purpose of criminal proceedings regarding juveniles. This process is viewed as a prerequisite for enhancing the efficiency of proceedings for this category of criminal cases. The authors note that in other countries the goal of criminal court proceedings is interconnected with the models and strategies of criminal justice for juveniles. The paper proves that the characteristics of procedural activities in juvenile criminal cases depend on the special goals of these differentiated proceedings. The authors view embodying the specifics of administering proceedings regarding juveniles in the laws as a prerequisite for the rational reforms of these proceedings. They offer special elements of administering Russian criminal court proceedings for juveniles. They also pay special attention to the necessity of contributing to secondary and tertiary prevention in juvenile criminal cases. The authors present a critical interpretation of the order of juvenile criminal cases' proceedings according to the Criminal Code of the Russian Federation from the standpoint of ensuring the purpose of these proceedings. The reader's attention is drawn to the criticism of unsystematic introduction of juvenile techniques in

***Markovicheva, Elena V.** - Doctor of Law, Ass. Professor, Professor, Chair of Criminal Law and Criminal Process, Turgenev Orel State University, Orel, the Russian Federation; e-mail: markovicheva@yandex.ru.

Smirnova, Irina G. - Doctor of Law, Ass. Professor, Deputy Director for Research, Head, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Russian law enforcement and the absence of comprehensive evaluations of their efficiency. The authors conclude that the purpose of juvenile criminal court proceedings could be reached after the complex improvement of the norms of substantive and procedural laws and the creation of necessary organizational conditions.

Keywords: minors; juvenile delinquency; criminal court proceedings; purpose of criminal court proceedings; criminal policy.

Вопрос о назначении уголовного судопроизводства - один из наиболее дискуссионных в отечественной правовой науке XXI в. Это связано как с предложенной разработчиками Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации формулировкой целей уголовного судопроизводства, так и с активизирующейся на фоне подобных законодательных новелл теоретической разработкой данной проблематики. Неприятие российскими учеными и правоприменителями ст. 6 УПК РФ, закрепляющей назначение уголовного судопроизводства, безусловно связано с тем, что концептуально и содержательно она существенным образом отличалась от ставшей привычной за 40 лет ст. 2 УПК РСФСР, которая «совершенно закономерно породила представление о том, что интегративной целью всех компонентов системы уголовной юстиции является борьба с преступностью» [1, с. 30–31].

Такая целевая установка в полной мере соответствовала советской государственной уголовной политике. Несмотря на привлекательность данного подхода, следует отметить, что он фактически создает порочный круг, поскольку понятие «борьба с преступностью» в криминологии «вызывает научные споры и не может оцениваться как достаточно определенное или по крайней мере однозначное», что закономерно «создает значительные сложности как в уяснении смысла того, о чем идет речь в конкретном случае, так и в практической деятельности» [2, с. 380]. Следует согласиться и с точкой зрения криминологов, полагающих, что, с одной

стороны, «преступность - это постоянная величина, зависящая от количества субъектов общественных отношений и их активности» [3, с. 13], с другой - «сегодня российская криминологическая наука все больше склоняется к тому, что причина преступности в человеке, в его духовных интеллектуальных качествах, которые проявляются в определенных социальных условиях» [3, с. 12].

Закрепленная в УПК РФ формулировка назначения уголовного судопроизводства хотя и небылоупречна, но в большей степени отвечает тому, что общество ожидает от системы уголовной юстиции (ее социальной ценности). Общественное мнение о ценности уголовного судопроизводства представлено в таблице¹.

Таким образом, ст. 6 УПК РФ не исключает деятельность, направленную на борьбу с преступностью, но и не делает ее единственной целью, так как на первый план выходит защита прав и законных интересов субъектов, потерпевших от преступлений. И это справедливо, поскольку «гражданин и общество не столько жаждут борьбы с преступностью, сколько защиты, т.е. безопасности, такой подход более богат социальным содержанием. Наконец, борьба с преступностью предполагает в конечном итоге наличие победителя и побежденного. Как нам представляется, более социально ценной является политика социального контроля преступности» [4, с. 132–60]. Фактически российский законодатель закрепил направленность уголовного судопроизводства на разрешение уголовно-правового конфликта с соблюдением условия обеспечения прав всех лиц, вовлеченных в сферу уголовного преследования, тем самым придав правовое значение и цели, и средствам ее достижения.

Поскольку российский УПК закрепил особенности производства по отдельным категориям уголовных дел, возникает закономерный вопрос: как соотносятся данные особенности и назначение уголовного

¹ Приводятся обобщенные данные о результатах анкетирования 144 судей, 246 прокуроров, 418 следователей и дознавателей и 180 адвокатов, проведенного на территории 18 субъектов.

судопроизводства? В полной мере этот вопрос касается и производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что в России с января по ноябрь 2015 г. несовершеннолетними или в соучастии с ними было совершено 54 833 преступления. По сравнению с аналогичным периодом 2014 г. прирост составил 3,6 %. Удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или в соучастии с ними, в общем числе расследованных преступлений составил 4,8 %.

Таким образом, каждое 21-е преступление в России совершено с участием несовершеннолетнего. Из них 22 % (11 902) составляют тяжкие и особо тяжкие преступления. При этом 13,4 % несовершеннолетних совершают преступления в состоянии алкогольного опьянения, а 1,2 % - наркотического. Примечательно, что в 2015 г. число преступлений, совершенных несовершеннолетними в составе организованных преступных групп, увеличилось на 8,2 %. Еще один тревожный показатель связан с тем, что 41,5 % преступлений, совершенных несовершеннолетними, - групповые. Прирост по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. составил 3,1 %².

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2014 г. возраст около 50 % осужденных несовершеннолетних на момент вынесения приговора составлял 14–15 лет. Из этих подростков 13,5 % на момент осуждения имели неснятую или непогашенную судимость. Из 13 613 лиц, не достигших совершеннолетия к моменту осуждения, 2 226 несовершеннолетних, т.е. 16 %, впервые совершили два и более преступления. Если в 2008 г. из осужденных, совершивших преступления в возрасте 14–17 лет, 4 % совершили преступления, связанные с наркотическими средствами или психотропными веществами, то в 2014 г. этот показатель увеличился до 11,5 %, т.е. почти в 3 раза³. При этом следует

² Состояние преступности в России за январь - ноябрь 2015 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL : https://mvd.ru/upload/site1/document_file/sb_1511.pdf.

³ Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными судами общей юрисдикции и

иметь в виду, что данные цифры не в полной мере отражают реальную картину в связи с высокой латентностью преступлений несовершеннолетних, что, по мнению Я.И. Гилинского, и порождает «относительно лучшую адаптацию несовершеннолетних к современным условиям российского бытия» [5, с. 341].

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что проблемы уголовного преследования несовершеннолетних не теряют своей актуальности. Оценка эффективности предложенной российским законодателем модели уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних невозможна без определения назначения данного вида производства и соотношения механизма процессуальной деятельности с данным назначением.

В первую очередь необходимо вернуться к поставленному выше вопросу о соотношении назначения уголовного судопроизводства в целом и производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, является ли производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних самостоятельным видом уголовного преследования и отправления правосудия в отношении несовершеннолетних или данное производство - это один из дифференцированных порядков в рамках общей системы уголовного судопроизводства.

В современных государствах наблюдается значительная вариативность в решении данного вопроса. В США, Канаде, во многих странах Европы исторически сложились самостоятельные модели ювенальной юстиции и ювенального уголовного судопроизводства. Характер той или иной модели в конечном итоге определяет назначение и принципы уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Например, принятый в Канаде в 2002 г. Youth Criminal Justice Act закрепляет в качестве назначения

ювенального уголовного судопроизводства защиту общества от преступного поведения молодых людей посредством применения таких мер, как: привлечение их к ответственности и принятие к ним мер, соразмерных тяжести преступления и степени ответственности; содействие реабилитации и реинтеграции юного правонарушителя; поддержка профилактики преступности через направление молодых людей для коррекции поведения в специализированные учреждения в рамках специальных программ⁴. В целом назначение уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних варьируется от государства к государству, однако в любом случае учитываются особенности несовершеннолетних правонарушителей. Основные акценты могут расставляться на обеспечении в процессе ювенального уголовного судопроизводства вторичной профилактики правонарушений несовершеннолетних (Англия, Уэльс), на образовательно-реабилитационном компоненте правосудия в отношении несовершеннолетних (Германия), на совершенствовании судебной процедуры уголовного судопроизводства (Франция, Италия, Греция) [6]. Достаточно распространенной является и практика, когда несовершеннолетний может подвергаться уголовному преследованию как через систему специального ювенального правосудия, так и через общие процедуры уголовного судопроизводства.

В России производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних регламентируется преимущественно нормами, закрепленными в гл. 50 УПК РФ. Такой подход логично вписывается в отечественную законодательную традицию. В истории российского уголовного судопроизводства только однажды был принят специальный акт, закрепляющий специфику производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Речь идет о законе «О малолетних и несовершеннолетних подсудимых» от 2 июля 1897 г., дополняющем нормы

⁴ Canadian Youth Criminal Justice Act (2002). URL: <http://www.lawyers.ca/ycja/index.htm>.

Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Закон прекратил свое действие в январе 1918 г. вследствие известных революционных событий.

Сформировавшаяся в советский период отечественной истории концепция единства уголовно-процессуальной формы рассматривала производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних как допустимое отступление от принципа единства процессуальной формы за счет усложнения процедурных правил [7, с. 83]. Такой подход нашел свое отражение и в законодательстве, так как в УПК РСФСР 1961 г. появилась отдельная глава 32 «Производство по делам несовершеннолетних», состоявшая из 13 статей, регулировавших вопросы производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства. УПК РФ логично продолжил данную традицию, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 420 кодекса его гл. 50 закрепляет лишь отдельные изъятия из общего порядка производства по уголовному делу. По этому поводу Д.П. Великий еще применительно к УПК РСФСР справедливо отмечал, что «нормы, регламентирующие особенности производства по делам несовершеннолетних, не характеризуются ни целостностью, ни взаимозависимостью» [8, с. 170–171]. Это, в свою очередь, ведет к поглощению производства по делам несовершеннолетних общей уголовно-процессуальной формой.

Однако такая законодательная конструкция приводит нас к обоснованному выводу, что производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних должно отвечать общему назначению российского уголовного судопроизводства, закрепленному в ст. 6 УПК РФ. Однако, если назначение производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних не отличается от назначения производства по иным уголовным делам, возникает вопрос о цели введения особых правил, закрепленных в гл. 50 УПК РФ. Для чего органы предварительного

расследования и суд должны установить дополнительные обстоятельства в соответствии с требованиями ст. 421 УПК РФ? Зачем предоставлять правоприменителю возможность выделять уголовное дело в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство? Почему по данной категории уголовных дел недопустимо применение сокращенных производств? Разумный ответ на данные вопросы может быть лишь один: возрастные особенности несовершеннолетних правонарушителей требуют расширения назначения уголовного судопроизводства за счет введения дополнительных целевых установок. Но последние не получили четкого закрепления в УПК РФ. Подобное упущение законодателя достойно сожаления, но не может препятствовать расширению целеполагающего компонента современного российского уголовного судопроизводства. В противном случае все особенности доказывания, производства следственных действий по уголовным делам в отношении несовершеннолетних теряют смысл, и оно превращается в деятельность ради деятельности. Только наличие дополнительных целей может оправдать усложнение уголовно-процессуальной формы по данной категории дел. Именно конкретизации назначения уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних должна быть посвящена ст. 420 УПК РФ. Это позволит уяснить, почему производство ведется в общем порядке, но с отдельными изъятиями. Кроме того, закрепление специфики назначения производства в отношении несовершеннолетних станет отправной точкой для разумного реформирования данного производства.

Уточнение назначения современного российского уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних - это одно из направлений российской уголовной политики. Характер такой политики в значительной степени связан с выбором стратегии уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, определяющей

специфику уголовно-процессуальной деятельности и форму отправления уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних.

В российском уголовном процессе производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних традиционно рассматривается как усложненное за счет расширения процедурных гарантий, обеспечивающих специфичный механизм защиты прав несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Таким образом, российское ювенальное уголовное судопроизводство ориентировано не только на достижение общего назначения уголовного судопроизводства, но и на решение особых задач, обусловленных социальным назначением данного вида производства, о чем, в частности, свидетельствует предусмотренный законодателем механизм альтернативной замены уголовного наказания принудительными мерами воспитательного воздействия.

Полагаем, что в качестве специфических составляющих назначения российского уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних можно выделить:

- дополнительную охрану прав и законных интересов несовершеннолетних, подвергшихся уголовному преследованию;
- содействие реинтеграции несовершеннолетних правонарушителей;
- содействие частной превенции преступлений среди несовершеннолетних.

При таком подходе уголовно-процессуальная деятельность, направленная на получение дополнительной информации о личности несовершеннолетнего, уровне его психического развития, условиях жизни и воспитания, влиянии на него старших лиц, обретает социальный смысл, поскольку, например, позволяет суду принять решение об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности и применении к подростку-правонарушителю принудительных мер воспитательного воздействия, что должно способствовать его реинтеграции за счет снижения

риска его дальнейшей маргинализации и криминализации. Существующие в современном уголовном судопроизводстве механизмы внесения представления следователем или частного определения судом об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 158 и ч. 4 ст. 29 УПК РФ, в определенной степени обеспечивают ситуативную превенцию преступности среди несовершеннолетних, т.е. «те меры, которые осуществляются с конкретными намерениями свести к минимуму диапазон и опасность преступлений» [9, с. 8].

К сожалению, и учеными, и правоприменителями осознается то обстоятельство, что закрепленный в российском уголовно-процессуальном законодательстве порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних не может в полной мере обеспечить достижение обозначенных выше целей. Это одна из причин, по которой в конце 90-х гг. прошлого века среди отечественных юристов стали популярны идеи ювенальной юстиции. Несмотря на недостаточную концептуальную разработанность, некоторые элементы ювенальной юстиции получили государственную поддержку. В частности, необходимость внедрения подобных технологий в практику российского судебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних была подтверждена решением президиума Совета судей 6 августа 2009 г. Эксперименты по внедрению различных ювенальных технологий в уголовное судопроизводство прошли во многих российских регионах. Привела ли подобная экспериментальная деятельность к значимым социальным результатам? На сегодняшний день вряд ли можно дать утвердительный ответ на данный вопрос, поскольку реализация пилотных проектов не повлекла за собой качественных изменений ни нормативно закрепленной модели ювенального уголовного судопроизводства, ни правоприменительной практики в масштабах всей страны.

На наш взгляд, одной из причин ограниченной эффективности осуществляемого в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации эксперимента стала недостаточная информированность правоприменителей о возможностях ювенальных технологий в уголовном судопроизводстве. Проведенный в 2010-2011 гг. социологический опрос относительно оценки знаний респондентов об особенностях ювенальной юстиции дал следующие результаты: 73 % опрошенных указали, что имеют полное представление о данном вопросе, но при этом только 24 % были знакомы с опытом отдельных регионов России по внедрению ювенальных технологий, а зарубежный опыт ювенальной юстиции специально изучали только 13 % опрошенных; в свою очередь, 26 % респондентов признались, что имеют отрывочные сведения, полученные из средств массовой информации, о зарубежном опыте ювенального уголовного судопроизводства [10, с. 450–451]. Стоит ли удивляться тому обстоятельству, что современные российские правоприменители демонстрируют приверженность одной из двух крайностей: либо идеализации идей ювенальной юстиции, либо ее полному отрицанию? Безусловно, такой подход является контрпродуктивным, поскольку отсутствует критическое осмысление наработанного зарубежного и отечественного опыта и возможностей его использования для реализации назначения уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Современные зарубежные исследователи данной проблематики в подавляющем большинстве оценивают различные модели ювенального уголовного судопроизводства, исходя из полученных доказательств их эффективности. Причем в тех государствах, где имеется достаточный исторический опыт ювенальной юстиции, присутствуют более осторожные оценки возможностей ювенальных технологий в уголовном судопроизводстве [11]. Еще в 1990 г. Роберт О. Доусон писал: «Ювенальной юстиции в Соединенных Штатах почти девяносто лет. Это возраст старости для

человека и, может быть, для социально-правового института. Возможно, наступило время начать думать о том, достигла ли система успеха или должна быть упразднена» [12, p. 136].

Там же, где система ювенальной юстиции находится в стадии становления, она оценивается более позитивно, и исследователи связывают с ее внедрением положительные социальные ожидания [13].

Очевидно, что внедрение ювенальных технологий следует рассматривать не как некую панацею от подростковой преступности, а как одно из средств, обеспечивающих достижение специфичных целей уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Мы считаем, что в ходе проводимых в нашей стране «ювенальных экспериментов» и идеологи этих экспериментов, и правоприменители, принимающие активное участие в их внедрении, не ставили четких целей такого внедрения и практически не соотносили подобную деятельность с назначением ювенального уголовного судопроизводства в России. Зачем вводить в процесс специального помощника судьи с педагогическим и юридическим образованием, если четко не определены ни его процессуальное положение, ни цели и задачи его деятельности? К сожалению, в подобных экспериментах не учитывается зарубежный опыт, подтверждающий, что данные «социальные» нововведения «превратили исторический идеал суда по делам несовершеннолетних в учреждение социального обеспечения» [14, p. 68]. Игнорируется при этом и то обстоятельство, что в современном мире ювенальная юстиция представлена не какой-то одной моделью, а значительным их многообразием даже в рамках европейского пространства [15].

Впрочем, оценивать возможности внедренных в экспериментальном порядке ювенальных технологий в достижении целей уголовного процесса в отношении несовершеннолетних достаточно сложно, так как в стране не проводилось серьезных исследований их эффективности, а большинство

оценок дается самими участниками эксперимента. В этой связи стоит обратить внимание на зарубежный опыт, поскольку в последние годы зарубежные специалисты в оценке ювенальной юстиции активно переходят на использование так называемых рандомизированных исследований, чтобы перевести все разработки в данной области на четкую доказательственную базу [16]. В России исследования такого уровня пока не проводились.

Говоря о решении специфичных задач, связанных с назначением уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, следует обратить внимание на еще одну проблему. К сожалению, возможности использования исключительно уголовно-процессуальных средств в реализации приоритетных направлений государственной уголовной политики в отношении несовершеннолетних весьма ограничены. Судья может назначить подростку-правонарушителю только ту принудительную меру воспитательного воздействия, которая предусмотрена УК РФ. Современная система органов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних представляет собой плохо функционирующий конгломерат, в котором отсутствует механизм взаимодействия различных структур. Поэтому реальная помощь, оказываемая ими органам предварительного расследования и суду, на сегодняшний день минимальна. Кроме того, нормы УПК РФ и Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ плохо согласуются друг с другом, в частности при решении вопроса досрочного прекращения пребывания несовершеннолетнего осужденного в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа.

Как представляется, оптимальная стратегия уголовного судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних может быть реализована при соблюдении следующих условий:

1. *Уважение прав личности.* Данное условие приобретает особую актуальность применительно к несовершеннолетним, которые в силу возраста не в состоянии самостоятельно эффективно осуществлять свои права и отстаивать свою позицию по делу.

2. *Реалистичность.* Еще в начале прошлого века, почти сто лет назад, С. Гаврилов указывал, что построение уголовного процесса определяется господствующими в обществе воззрениями на преступление и наказание [17, с. 333]. Развитие данной мысли можно обнаружить в трудах современных ученых. Так, В.В. Лунеев метко и лаконично сказал: «Принятие законов вопреки реальным возможностям лишь дискредитирует их» [18, с. 110].

3. *Экономичность.* В свое время М.С. Строгович при анализе рационализации уголовного процесса и обосновании его необходимости писал, что данный вопрос получает остроту и особое политическое значение в связи с общей кампанией по проведению режима экономии [19, с. 16].

4. *Эффективность.* Применительно к уголовному судопроизводству эффективность должна получить оценку с позиций правоприменения, а не его результатов, т.е. его способности, готовности и возможности обеспечить и поддержать баланс интересов общества и государства, с одной стороны, а также интересов несовершеннолетнего, с другой стороны.

Итак, предлагаемую нами стратегию можно охарактеризовать как *стратегию разумной социальной целесообразности*. Ввиду того что основанием типологизации моделей уголовного судопроизводства выступает целеполагание, назначение названной процессуальной стратегии видится нам в следующем:

– установление уголовно-правовых отношений и реализация норм уголовного права по делам о преступлениях несовершеннолетних;

– оптимизация расходов государства на производство по уголовным делам, перенос основного их бремени на более ранние этапы уголовно-

процессуальной деятельности (развитие своеобразной стоимостной (затратной) превенции [20, с. 289]);

– минимизация негативных правовых последствий неудовлетворенности участников процесса производством по уголовному делу;

– передача решения ряда вопросов, связанных с уголовным судопроизводством, гражданскому обществу (путем, например, развития института медиации, посредничества);

– переход от наказания как мучения (кары) к наказанию как процессу компенсации ущерба, включение непосредственно в уголовное судопроизводство компенсаторных механизмов;

– ускорение производства, уменьшение времени с момента начала уголовного преследования до разрешения уголовного дела по существу, обеспечение разумности сроков производства по уголовному делу;

– придание уголовному судопроизводству значения не только самостоятельной социальной ценности, но и средства обеспечения иных общезначимых ценностей.

Таким образом, достижение социально значимого эффекта от ювенального уголовного судопроизводства требует и расширения системы принудительных мер воспитательного воздействия в рамках уголовного права, и синхронизации норм УПК РФ и иных законов, и включения в данную деятельность различных государственных органов и общественных организаций.

Только такая системная деятельность будет способствовать разработке оптимальной стратегии уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

REFERENCES

1. Mikhailovskaya I.B. *Tseli, funktsii i printsipy rossiiskogo ugovnogo sudoproizvodstva (ugolovno-protsessual'naya forma)* [The Goals, Functions and

Principles of Russian Criminal Court Procedures (the criminal-procedural form). Moscow, Prospekt Publ., 2003. 144 p.

2. Dolgova A.I. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2005. 912 p.

3. Meleshko N.P. Criminogenic issues of researching crimes and organizing crime counteraction in Russia today. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2010, no. 19, pp. 12–16. (In Russian).

4. Smirnova I.G. *Sotsial'naya tsennost' rossiiskogo ugolovno sudoproizvodstva. Dokt. Diss.* [Social Value of Russian Criminal Court Procedure. Doct. Diss.]. Tomsk, 2012. 517 p.

5. Gilinskii Ya.I. *Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyi kontrol'* [Criminology: Theory, History, Empirical Basis, Social Control]. 2nd ed. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2009. 504 p.

6. Markovicheva E.V. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo v otnoshenii nesovershennoletnikh: problemy teorii i praktiki* [Criminal Court Procedure for Minors: Issues of Theory and Practice]. Orel State University Publ., 2011. 424 p.

7. Strogovich M.S. Criminal-procedural form and ensuring the rights of the accused. In Baev O.Ya., Kokorev L.D., Litvinov R.L., Torubarov V.I. (eds). *Razvitie i sovershenstvovanie ugolovno-protsessual'noi formy* [The Development and Improvement of the Criminal-Procedural Form]. Voronezh State University Publ., 1979, pp. 83–92. (In Russian).

8. Velikii D.P. *Edinstvo i differentsiatsiya ugolovno-protsessual'noi formy: istoriya, sovremennost', perspektivy. Dokt. Diss.* [The Unity and Differentiation of the Criminal-Procedural Form: History, Modern Times, Prospects. Doct. Diss.]. Moscow, 2001. 211 p.

9. Graham D., Bennett T. Crime prevention strategies in Europe and North America. Helsinki, HEUNI, 1995. 138 p. (Russ. ed.: Graham D., Bennet T. *Strategii preduprezhdeniya prestupnosti v Evrope i Severnoi Amerike*. Khel'sinki, HEUNI Publ., 1995. 138 p.).

10. Markovicheva E.V. *Kontseptual'nye osnovy yuvenal'nogo ugolovnogogo sudoproizvodstva. Dokt. Diss.* [The Conceptual Basis of Juvenile Criminal Court Procedure. Doct. Diss.]. Orenburg, 2011. 482 p.

11. Smith David J. The effectiveness of the juvenile justice system. *Criminology and Criminal Justice*, 2005, vol. 5, no. 2, pp. 181–195.

12. Dawson Robert O. The Future of Juvenile Justice: Is It Time to Abolish the System? *The Journal of Criminal Law & Criminology*, 1990, vol. 81, pp. 136–141.

13. McAra Lesley, McVie Susan. Youth Justice? The Impact of System Contact on Patterns of Desistance from Offending. *European Journal of Criminology*, 2007, vol. 4, no. 3, pp. 315–345.

14. Feld B.C. Abolish the juvenile court: youthfulness, criminal responsibility, and sentencing policy. *The Journal of Criminal Law & Criminology*, 1998, vol. 88, pp. 68–136.

15. Jehle J.-M., Lewis C., Sobota P. Dealing with Juvenile Offenders in the Criminal Justice System. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 2008, vol. 14, no. 2–3, pp. 237–247.

16. Sabates Ricardo. Educational Attainment and Juvenile Crime. Area-Level Evidence Using Three Cohorts of Young People. *British Journal of Criminology*, 2008, no. 48 (3), pp. 395–409.

17. Gavrilov S. Reviews. *Yuridicheskii vestnik = Legal Bulletin*, 1914, b. VII–VIII (III–IV), pp. 332–335. (In Russian).

18. Luneev V.V. The efficiency of counteracting crime in general and specific crimes in Russia today. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2003, no. 7, pp. 106–111. (In Russian).

19. Strogovich M.S. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 1992. Vol. 2. 278 p.

20. Smirnov G.G. Social value of crime prevention. «*Chernye dyry*» v rossiiskom zakonodatel'stve = «*Black Holes*» of Russian Legislation, 2005, no. 4, pp. 289–293. (In Russian).